

+ Протоіерей Петръ Александровичъ Заболотскій.

Марта 7 дня отъ продолжительной болѣзни умеръ Гжатской Казанской церкви протоіерей *Петръ Александровичъ Заболотскій* на 68 году отъ роду.

Родомъ онъ былъ изъ села Пречистаго, Гжатскаго уѣзда, сынъ священника Александра Васильевича Заболотскаго. Отецъ его былъ человекъ отъ природы умный, высокой подвижнической жизни. Дѣтей воспитывалъ въ строгости и требовалъ безусловнаго повиновенія родителямъ. Мать была женщина добрая, своимъ ласковымъ нравомъ значительно смягчавшая обращеніе отца съ дѣтьми. Подъ руководствомъ такихъ родителей шла жизнь Петра Александровича. Отецъ Александръ, любитель книжнаго ученія, самъ подготавливалъ къ училищу своихъ сыновей; хорошій знатокъ латинскаго языка, онъ обращалъ особое вниманіе на то, чтобы подготавливаемые имъ дѣти имѣли возможно большія знанія въ латынѣ. Благодаря хорошей домашней подготовкѣ, Петру Александровичу въ первое время училищной жизни корень ученія не былъ особенно горекъ: заботливый и аккуратный, онъ учился успѣшно, велъ себя отлично. Объ училищномъ періодѣ (въ Вязьмѣ) своего образованія, онъ никогда не го-

ворилъ особенно худо. Между учителями были люди способные и хорошіе; о своемъ ректорѣ, протоіерей Троицкомъ, онъ сохранилъ самыя дорогія воспоминанія. О товариществѣ въ училищѣ онъ также не говорилъ худо, — и по его отзывамъ, лишь крайняя бѣдность духовенства и всей обстановки духовнаго училища на все налагала мрачный колоритъ. Бѣдная одежда, отсутствіе для лѣтняго времени всякой обуви сразу выдѣляла ученика духовнаго училища изъ городского сословія. Бѣдныя невозможныя квартиры, напр. известная въ свое время въ монастырской слободѣ квартира Сопелихи давали пріютъ только школьникамъ духовныхъ училищъ. Случалось, что въ подобныхъ квартирахъ начинали свою училищную жизнь дѣды, за ними ихъ сыны, а потомъ и сыны сыновъ, и никогда не думали жаловаться на отсутствіе комфорта. Привозили мальчика на квартиру, подобную Сопелихиной, и онъ отживалъ въ ней всѣ шесть лѣтъ училищнаго курса, сохраняя навсегда добрую память о хозяйкѣ. Такую же добрую память удержалъ о своей квартирной хозяйкѣ и Петръ Александровичъ, нерѣдко будучи священникомъ посѣщавшій свою ученическую квартиру. Въ семинарію онъ перешелъ изъ Вяземскаго духовнаго училища по 1 разряду. Здѣсь по воспоминаніямъ Петра Александровича нелегко было учиться; такъ какъ нѣкоторыя науки преподавались на латинскомъ языкѣ по рукописнымъ тетрадямъ. Уроки выдавались учителями; чтобы своевременно ихъ переписать, ученику семинаріи, живущему на частной квартирѣ, необходимо было имѣть товарища благопріятеля въ казенномъ корпусѣ; такъ какъ выданный учителемъ листокъ урока прежде попадалъ для переписыванія въ корпусъ и оттуда уже путемъ передачи достигалъ до квартирантовъ семинаристовъ. Изъ поры семинарскаго курса Петръ Александровичъ любилъ говорить о свѣтилѣ тогдаш-

ней семинарской корпораціи—профессоръ Бобинъ, глубоко-мысленномъ философъ, непобѣдимомъ диспутантъ на публичныхъ экзаменахъ, которые въ его время производились съ большою торжественностію. Имя ректора семинаріи, архимандрита Полкарпа, въ послѣдствіи епископа Орловскаго, онъ вспоминалъ съ благоговѣніемъ, какъ мужа святаго по жизни. Семинарскій его курсъ выдавался даровитыми воспитанниками; въ нашей епархіальной службѣ ни одинъ курсъ не далъ столько протоіереевъ и благочинныхъ, сколько курсъ товарищей Петра Александровича.

Въ 1843 году Петръ Александровичъ окончилъ семинарскій курсъ и пожилъ у своего отца до января 1844 года, когда онъ занялъ мѣсто священника въ селѣ Климовѣ, Гжатскаго уѣзда; 11 марта онъ былъ рукоположенъ въ этотъ санъ. Село Климово стоитъ въ глуши, чисто скитъ какой. При селѣ крестьянскихъ домовъ нѣтъ, живетъ только духовенство. Тишина всегдашняя, нарушавшаяся только въ воскресные и праздничные дни, когда въ церковь въ очень скромномъ количествѣ появлялись богомольцы—крестьяне. Помѣщикомъ въ приходѣ на лицо не было. Вотчинная контора г. Орлова была въ 12 верстахъ; самымъ почетнымъ посѣтителемъ Климовской церкви былъ бурмистръ С. Т. К., гроза крестьянъ. Приходъ Климовскій состоялъ изъ $\frac{2}{3}$ православныхъ и $\frac{1}{3}$ раскольниковъ бѣглопоповской секты. Православные прихожане не были щедры къ духовенству, а при сосѣдствѣ съ раскольниками, которые свою вражду къ православной церкви выражали въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству, беззащитчиво распространяя о немъ недѣльные мнѣнія, и православные заражались духомъ грубости и неуваженія къ служителямъ церкви. Въ такомъ-то приходѣ естественно духовенство живетъ бѣдно, и Петръ Александровичъ жилъ въ селѣ Климовѣ, борясь съ разными житей-

скими невзгодами, а ихъ было вдоволь. Матеріальные недостатки сказались съ начала его службы: началъ строить домъ—убрали деньги, взятые имъ въ приданое за женою, начались займы и долги. О житейскихъ удобствахъ и думать не приходилось, а былъ молодой человекъ, хотѣлось жить, какъ люди. Къ своимъ дѣтямъ стали прибавляться чужія. Умеръ его своякъ полковой священникъ, осталась жена съ двумя дочерьми. Одна изъ дочерей жила въ домъ Петра Александровича, а другая дочь съ матерью хотя и жили въ отдѣльномъ домъ, но все сельское продовольствіе получали отъ него. Скоро умеръ шуринъ—полковой священникъ, и его жена, оставивши дочь 1½ года, и ее взяли на воспитаніе въ родную Климовскую семью. Съ своими дѣтьми росли и сироты; при большой семьѣ, въ плохомъ приходѣ средствъ совершенно не доставало. Помнится, въ Гжатскъ за 25 верстъ ѣздили дѣлать закупки: ¼ ф. чаю, 2 ф. сахару, 15—20 ф. соли; лѣтомъ же и свѣчи переводились. Помнится, въ 1853 году предъ храмовымъ праздникомъ Вознесенія Господня въ Климово внезапно въ глухую ночь являются три четверяга лошадей, запряженныхъ въ кареты; стучатся въ домъ Петра Александровича, всѣ спятъ, отворяютъ, оказывается пріѣхалъ гость изъ Петербурга дѣйствительный статскій совѣтникъ докторъ Сергій Алексѣевичъ Громовъ, родной дядя жены его; въ домъ поднимается суматоха, а хозяйва смущены—свѣчей нѣтъ. Хорошо еще, что въ домъ дьячка нашли свѣчу. Этотъ Громовъ былъ благодѣтелемъ для всего своего родства, улучшилъ положеніе и Петра Александровича. По смерти своей онъ завѣщалъ капиталъ въ 28 тысячъ, который долженъ былъ раздѣлиться между его родными въ указанныхъ имъ самимъ цифрахъ. Потомъ былъ проданъ его домъ въ Петербургъ за 60 тысячъ,—цифра крупная! но такъ какъ въ семь послѣднемъ

дележъ должны были участвовать родственники жены Громова, то на долю каждаго наследника пала сравнительно небольшая цифра. Напр. Петру Александровичу въ два раздѣла досталось 3,000 руб., хотя пылкая фантазія людей, знающихъ чужія дѣла, развивала Громовское наследство чуть ли не до 20,000 руб. ему одному.

Благодаря этому событію въ жизни Петра Александровича, поизмѣнилось его положеніе; но и тогда онъ сохранилъ свое благоразуміе, дѣлая затраты изъ полученныхъ наследственныхъ денегъ только на предметы крайней нужды. Подросли дѣти, нужно было ихъ опредѣлять въ училища, — забѣла чахоткою жена, стали выходить замужъ одна за другою племянницы; хотя Громовъ и сихъ сиротъ обезпечилъ, но свадьбы и разныя подготовительныя къ нимъ и послѣдующія событія падали матеріальными издержками на долю того хозяина, изъ дома котораго выбываетъ невѣста. Все это нагрянуло вдругъ! Жену отъ чахотки лечилъ Петръ Александровичъ долго и конечно безуспѣшно. Петръ Александровичъ остается вдовцомъ съ четырьмя дѣтьми! вотъ когда узналъ онъ горе! Плакалъ и рыдалъ, бывало, какъ самая слезливая женщина-крестьянка. При жизни жены былъ какъ будто равнодушнѣе къ дѣтямъ; но смерти же ея онъ для нихъ вполне замѣнилъ нѣжную мать. Если случались радости въ семейной жизни, напр. дѣти привезутъ отъ своихъ училищныхъ начальствъ одобрительные отзывы о своихъ успѣхахъ, онъ прочитаетъ ихъ, поцѣлуетъ дѣтей и заплачетъ: „нѣтъ у васъ матери, не съ кѣмъ мнѣ раздѣлить свою радость“!

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжкаго испытанія, Господь утѣшилъ его въ семейной жизни: у него явилась скромная и добрая хозяйка въ лицѣ родной его племянницы, которая свои молодые годы посвятила на служеніе дядѣ. Благодаря

ей, въ хозяйствѣ водворился порядокъ и въ семьѣ миръ и любовь.

Во всю свою жизнь Петръ Александровичъ былъ самымъ аккуратнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей и воли начальства. Кажется, все, что внушалъ ему священническій долгъ, что предписывало начальство, дѣлалось имъ. Проповѣдничество онъ любилъ; самъ писалъ много проповѣдей, говорилъ и печатныя; частныя его бесѣды съ прихожанами были всегда назидательны. Не любилъ онъ празднаго разговора съ ними, и умѣлъ свою рѣчь отъ обыденныхъ предметовъ переводить на предметы назиданія. Такая сноровка выработалась въ немъ потому, что онъ жилъ въ раскольничьемъ приходѣ, гдѣ каждое слово и дѣйствіе священника старались истолковать превратно, потому-то онъ берегъ свой санъ отъ несправедливыхъ нареканій, — и дорожилъ временемъ, чтобы употребить его съ пользою для своихъ колеблющихся духовныхъ дѣтей. Не желая быть голословнымъ во всемъ сказанномъ объ аккуратномъ и честномъ исполненіи своихъ учительскихъ обязанностей, мы могли бы представить веденный Петромъ Александровичемъ дневникъ, въ которомъ главнымъ образомъ записывались его бесѣды съ прихожанами въ ихъ домахъ. Для бесѣдъ же съ раскольниками онъ нарочито ѣздилъ въ деревни, избирая для этого такое время, когда крестьяне бываютъ свободны отъ своихъ хозяйственныхъ занятій и могутъ въ большемъ числѣ слушать его бесѣды. Но не радовали его своими успѣхами эти бесѣды: расколъ росъ все больше и больше, и каждое новое отдѣленіе отъ церкви православной глубоко огорчало его; и въ то время, когда другимъ пастырямъ жилось покойно среди православныхъ прихожанъ, Петру Александровичу приходилось вести безуспѣшную борьбу съ расколомъ. Такое служеніе начало крайне тяготить его, и вотъ онъ начинаетъ

подавать Преосвященнымъ просьбы о переводѣ его въ другія мѣста, но къ его огорченію, просьбы его оставались неудовлетворенными. Эта загадка объяснилась уже въ послѣдствіи. Просьбы его о переводахъ подавались главнымъ образомъ Преосвященному Антонію, у котораго особымъ довѣріемъ пользовался благочинный миссіонеръ Іосифъ Пушновъ. Когда узнавалъ о поданной Петромъ Александровичемъ просьбѣ, о. Пушновъ писалъ Преосвященному Антонію, что онъ нуженъ для прихода, и просьба оставалась неудовлетворенною. Эти неудачи заставили Петра Александровича съ покорностію признать, что самъ Богъ обрекаетъ его на трудовое и безпокойное служеніе въ раскольничьемъ приходѣ. Правда, и тамъ жизнь его имѣла свѣтлыя стороны; начальство награждало его за усердную службу знаками отличія, а духовенство выражало къ нему расположеніе троекратнымъ избраніемъ его въ должность благочиннаго, которую онъ проходилъ сряду 18 лѣтъ, и уже по своей болѣзни просилъ епархіальное начальство объ увольненіи отъ оной. Не опасаясь быть опровергнутыми, мы имѣемъ право сказать, что въ должности благочиннаго онъ былъ аккуратнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей. Въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, онъ былъ ласковъ, мѣрами краткими умѣлъ расположить каждаго къ лучшему исполненію его обязанностей и начальственныхъ распоряженій; не былъ скоръ на доносы о нерадивыхъ и людяхъ порочныхъ, къ нимъ прибѣгалъ тогда, когда всё мѣры къ восстановленію порядка оказывались безуспѣшными. Память о немъ у бывшихъ его подчиненныхъ и теперь хранится; пишущій эти строки имѣетъ много на то доказательствъ.

Переходъ Петра Александровича въ Гжатскъ сопровождался такими обстоятельствами.

Въ 1873 году въ Гжатскомъ уѣздѣ былъ на ревизіи

Преосвященный Серафимъ; благочиннической округъ и Петра Александровича подлежалъ его обзору. Преосвященный видимо остался доволенъ распорядительностію его; въ прощальной аудіенціи онъ сталъ подробно спрашивать о его семейномъ положеніи, о приходѣ и проч. и потомъ съ удивленіемъ спросилъ: „чего же вы до сихъ поръ живете въ такомъ бѣдномъ приходѣ и не проситесь въ болѣе видныя мѣста?“ Петръ Александровичъ сказалъ, что онъ много разъ просилъ прежнихъ Преосвященныхъ, но не имѣлъ успѣха. Преосвященный Серафимъ съ улыбкою говоритъ ему: „попросите у меня лучшаго мѣста, и будетъ успѣхъ“. Въ томъ же году умеръ въ Гжатской Богоявленской церкви протоіерей А. Барсовъ, объ этой смерти увѣдомилъ Петра Александровича его благодетель, съ которымъ у него до самой смерти сохранились сердечныя отношенія, протоіерей Петръ Іоанновичъ Успенскій и совѣтовалъ ему проситься на мѣсто въ Гжатскую Богоявленскую церковь; онъ подалъ просьбу, и рѣшеніе не заставило себя долго ждать. Въ указѣ объявлена была резолюція Преосвященнаго: «проситель назначается къ Богоявленской церкви во вниманіе къ его долговременной службѣ, опытности въ своихъ обязанностяхъ и знанію мѣстной жизни».

Переходъ въ г. Гжатскъ изъ с. Климова не представлялъ для Петра Александровича особыхъ затрудненій: Климово отъ Гжатска находится въ разстояніи 25 верстномъ; всевозможныя пожитки было удобно перевезти. Въ Гжатскѣ пришлось два года жить въ наемной квартирѣ, на покупку дома средствъ не было. Быть можетъ много времени пришлось бы не имѣть своего дома, если бы нѣкоторые изъ его прихожанъ не внушили ему мысль строить новый домъ, давали ему возможность пользоваться безпроцентнымъ кредитомъ.

Жители г. Гжатска скоро оцѣнили Петра Александровича;

со все́ми обходительный, исполнительный, нетребовательный, онъ вошелъ въ ихъ расположеніе; сближаясь болѣе и болѣе съ прихожанами, онъ приобрѣлъ ихъ довѣріе къ себѣ. Въ городахъ нельзя считать часто бывающими явленіями тѣ случаи, когда прихожанинъ проситъ совѣта священника въ своихъ недоумѣніяхъ и затрудненіяхъ житейскихъ: здѣсь народъ свысока смотритъ на духовенство. Но въ практикѣ Петра Александровича такіе случаи весьма часто бывали; обуреваемые житейскими невзгодами бывали въ его домѣ ради совѣта, что сдѣлать? Пишущему сіи строки приходилось по смерти Петра Александровича слышать воспоминанія о немъ съ этой стороны. «Бывало, случается горе, идешь къ отцу Петру поговорить о немъ. Разспросить все, скажетъ свои случаи въ жизни, укажетъ на другихъ такихъ же страдальцевъ, и если иногда не дастъ совѣта, какъ выйдти изъ постигшаго тебя несчастія, хоть дѣло останется все въ томъ же положеніи, какъ и было, но послѣ бесѣды съ нимъ чувствуешь себя спокойнѣе и бодрѣе».

Время, прожитое имъ въ Гжатскѣ, было для него порою покоя и отдыха отъ тѣхъ волненій и борьбы, какими сопровождалась его жизнь и служба въ селѣ Климовѣ. Въ благодушномъ Гжатскомъ Богоявленскомъ храмѣ онъ душою отдыхалъ, восхищаясь красотами и богатствомъ его обстановки. Въ причтѣ особенно между священниками было полное согласіе; его сотоварищи оказывали ему уваженіе, и онъ съ своей стороны отвѣчалъ имъ искреннею любовію. Сердечность товарищей сказалась особенно рельефно, когда упорная болѣзнь Петра Александровича, длившаяся пять лѣтъ, стала обнаруживаться ужасными приступами. Часто, по болѣзни, онъ не могъ править своихъ седмиць, приходскія требы не всегда могъ исполнять, а добрые товарищи, сами обремененные служебными обязанностями, съ видимымъ же-

ланиемъ помочь больному, исполняли его церковныя и приходскія обязанности. Признательный старецъ бывало со слезами рассказываетъ объ услугахъ своихъ собратій. Правда, миръ и согласіе въ трехъ-комплектномъ причтѣ явленіе желательное, но очень рѣдко осуществимое. Понятна и радость была Петра Александровича при этомъ согласіи, выразившемся кромѣ добрыхъ отношеній взаимною помощью другъ другу при служебныхъ обязанностяхъ.

Тяжкая болѣзнь окончательно приковала Петра Александровича къ одру; съ октября мѣсяца 1890 года онъ не могъ выходить изъ дома. Граждане съ большимъ сожалѣніемъ отнеслись къ его страдальческому положенію; посѣтители бывали ежедневно; рѣдкая литургія проходила, чтобы не подавалось поминальныхъ записокъ для возношенія на ектеніи моленій о болящемъ протоіереѣ Петрѣ. Все это было извѣстно ему, и радостно-умилительныя слезы орошали его лицо при такихъ сообщеніяхъ.

Въ болѣзни Петра Александровича бывали перемѣны: то на нѣсколько дней болѣзнь измѣняетъ свой острый характеръ, то доводитъ больного до отчаянныхъ страданій. Для лицъ, окружавшихъ его, особенно утѣшительно было видѣть его, когда припадки его болѣзни смягчались. Лицо принимало оживленный оттѣнокъ, рѣчь была ясная, спокойная и въ душѣ больного пробуждались надежды на выздоровленіе: являлись планы, какъ устроить свою жизнь въ случаѣ выздоровленія и тогда естественными казались говорившіяся больному утѣшенія, что его болѣзнь не къ смерти. Но вотъ болѣзнь начинаетъ свое дѣло, слышатся стоны и отчаянныя просьбы къ окружающимъ его: «помолитесь Господу Богу, чтобы мнѣ скорѣе умереть», и, кромѣ молитвы на устахъ, нѣтъ словъ и средствъ облегчить муки страдальца. Такъ провелъ Петръ Александровичъ шесть

мѣсяцевъ. Въ эту пору онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія, какъ его хоронить, гдѣ мѣсто для могилы, въ какой одеждѣ его положить; нѣсколько разъ исповѣдывался и приобщался Святыхъ Таинъ, принялъ таинство елеосвященія и наконецъ, ослабленный тяжкою болѣзнію его организмъ, легко разлучился съ душою, — 7 марта въ 12 часовъ дня его не стало между живыми.

Покорные волѣ отца, дѣти Петра Александровича старались исполнить всѣ распоряженія его. Это сложное дѣло облегчали многіе усердствующіе, къ помощи которыхъ наслѣдникамъ покойнаго приходилось обращаться. Здѣсь около гроба Петра Александровича пришлось воочию убѣдиться въ той истинѣ, что добро, сдѣланное человѣкомъ при жизни, не забывается его ближними по смерти его, а при гробѣ какъ будто дается самый сильный толчокъ сказаться добрымъ чувствамъ къ умершему въ ихъ высшемъ развитіи. Такъ чувства священно-церковно-служителей города Гжатска и самихъ гражданъ къ покойному обнаружались въ такой высокой степени, что покойный не могъ и предполагать въ нихъ такой любви къ себѣ. Всѣ служенія панихидъ посѣщались такимъ множествомъ почитателей Петра Александровича, что не всегда можно было помѣститься въ его домѣ. Въ погребальной церемоніи присутствовало свыше 2000 человѣкъ; чинъ погребенія совершенъ былъ 15 священникамъ.

Во время причастиаго стиха на литургіи священникомъ Гжатской Казанской церкви Николаемъ Клитинымъ произнесено было слово. Во время провода также говорены были слова законоучителемъ Вяземской гимназіи священникомъ Михаиломъ Ивановичемъ Тредіаковскимъ и священникомъ Гжатской Соборной церкви Петромъ Ивановичемъ Радковскимъ.

Въ день 40 дневнаго поминoveniя сыномъ Петра Александровича протоіереемъ Павломъ Заболотскимъ сказана была слѣдующая рѣчь.

Боголюбивые граждане!

Еще такъ свѣжа насыпь на могилѣ моего отца, еще такъ немного времени протекло со дня его смерти, что тѣ чувства скорби и умиленія, которыя волновали меня при гробѣ его, не могли забыться мною и теперь. Правда, эти чувства просились на мои уста и тогда, но опасеніе, что я не совладѣю съ ними, остановило мою бесѣду съ вами до сего дня. И вотъ я предстою предъ вами, какъ выразитель тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя одушевляли моего отца въ пору его служенія среди васъ и какъ выразитель признательности моей къ вамъ за все видѣнное и испытанное мною при гробѣ его.

17 лѣтъ тому назадъ мой отецъ волею епархіальной власти опредѣленъ былъ на служеніе въ вашемъ храмѣ и приходѣ между прочимъ во вниманіе къ его пастырской опытности и знанію имъ мѣстной жизни. Достаточно опытный въ жизни и служеніи, онъ и въ вашихъ глазахъ не могъ казаться новичкомъ въ дѣлѣ; но какъ новый дѣятель среди васъ, онъ не могъ съ первыхъ шаговъ служенія здѣсь овладѣть всеобщимъ вниманіемъ. Къ каждому новому дѣятелю долго присматриваются, пока установится взглядъ на него. Но пока въ обществѣ обмѣнивались наблюденіями и замѣчаніями относительно новаго священника, мой отецъ уже оцѣнилъ по достоинству многихъ своихъ прихожанъ и скоро полюбилъ своихъ духовныхъ чадъ. И это, неудивительно. Если вы, боголюбивые граждане, присматривались къ себѣ и людямъ, то могли видѣть, что начальники прежде начинаютъ любить своихъ хорошихъ подчиненныхъ, хозяева —

своихъ слугъ, чѣмъ наоборотъ. Не заставила себя долго ждать и ваша пріязнь къ покойному отцу моему. Многіе изъ васъ скоро утѣшили его своимъ душевнымъ расположеніемъ и на самомъ дѣлѣ выразили ему довѣріе тогда, когда онъ въ томъ особенно нуждался. Такъ начались и за тѣмъ всегда хранились нерушимо добрыя отношенія между пастыремъ и паствою, соединившія ихъ въ одну семью! Объ умершихъ своихъ благодѣтеляхъ покойный вспоминалъ съ молитвою на устахъ; любилъ говорить о живыхъ своихъ прихожанахъ; видимо интересовался вашимъ общимъ расположеніемъ къ нему; дорожилъ тѣмъ, что многіе изъ прихожанъ весьма нерѣдко просили его совѣта въ вопросахъ жизни. Отъ природы скромный и негичливый, онъ не думалъ въ самомъ себѣ искать дара совѣта, не мѣткостью своихъ сужденій онъ объяснялъ это желаніе прихожанъ пользоваться его указаніями и разъясненіями ихъ недоумѣній, а приписывалъ это единственно вашему уваженію къ носимому имъ сану.

Въ такомъ душевномъ настроеніи проходило его служеніе у васъ, а при покоѣ въ служебной и домашней жизни естественно усиливалась въ немъ и любовь къ жизни. Поймите же, какъ тяжело разставаться съ жизнью, когда она дастъ намъ одинъ радости. Здѣсь нужны какія либо особыя обстоятельства, чтобы измѣнить нашу привязанность къ земной жизни. Такъ измѣнилось и желаніе моего отца больше жить: тяжкій недугъ, длившійся нѣсколько лѣтъ, вложилъ въ него желаніе, чтобы дни его жизни скорѣе окончились. Объ этомъ многіе изъ васъ слышали отъ покойнаго, онъ у всѣхъ просилъ молитвы о скорѣйшей смерти.

Но и въ ту пору, когда человѣкъ не можетъ оторваться отъ тяжкихъ болей, причиняемыхъ недугомъ, отецъ забывалъ ихъ, чтобы поплавать слезами умиленія, видя сердечное

вниманіе къ его страдальческому положенію со стороны его добрыхъ прихожанъ. Какъ онъ скорбѣлъ, что особое свойство его недуга лишало его возможности удѣлять время для непрерывной бесѣды съ его посѣтителями!

Съ благодарною памятью о своихъ сослужителяхъ и духовныхъ чадахъ, съ миромъ въ душѣ, покойный отецъ отошелъ въ другой міръ. Но любви всѣхъ знавшихъ его, съ его смертію, наступила пора сказаться съ особою выразительностію. О если бы покойному возможно было открыть свои смежившіяся очи, чтобы видѣть все, что происходило около его смертнаго одра, около его гроба, при его погребеніи и послѣ, до нынѣшняго дня! Онъ увидѣлъ бы, какъ его собратія по служенію спѣшила къ его смертному одру для молитвы о немъ. Онъ понялъ и вполне оцѣнилъ бы ихъ усердіе, зная, что въ ту пору, всѣ они были обременены дѣлами службы при церкви. Онъ увидѣлъ бы, какъ его духовныя чада и всѣ знавшіе его спѣшили ко гробу его и съ какимъ видимымъ усердіемъ молились о упокоеніи души его въ царствѣ Божіемъ. Какое многочисленіе усердствующихъ было при его погребеніи, и цѣлыя тысячи людей провожали его на мѣсто его вѣчнаго покоя! А тамъ при гробѣ, его сопастыри, помянули его добрыя свойства въ такихъ ободрающихъ выраженіяхъ, что душа почившаго, предстоящая суду Божію, должна ожить надеждою на помилованіе.

И все это произошло при гробѣ почившаго, а онъ не открылъ своихъ очей, не отверзъ своихъ устъ. Мертвые спятъ сномъ непробуднымъ и думъ своихъ не выражаютъ звуками живой рѣчи. За нихъ должны говорить тѣ, которые остаются жить ихъ мыслями и чувствами и внимаютъ ихъ завѣтамъ. Слышу и я, отецъ родимый, твой призывъ и спѣши исполнить волю твою.

Отцы и братія! Примите мои слова какъ вѣщаніе моего отца, уже перешедшаго черту земнаго бытія! Мои чувства — его чувства. За вашу любовь къ отцу, за терпѣніе и снисхожденіе къ его немощамъ, за ваши служебные труды за него, за молитвы о немъ, примите какъ дань благодарнаго сердца мой братскій земной поклонъ.

Боголюбивые граждане! Ваша любовь къ моему отцу во дни его служенія у васъ вносила въ его душу покой, отраду и бодрость. Съ миромъ онъ вошелъ къ вамъ, съ миромъ и отошелъ отъ васъ. Тяжкій недугъ давно прервалъ его общеніе съ вами и прощаніе отца съ духовными его чадами и знаемыми стало невыполнимымъ. Примите его привѣтъ чрезъ меня и какъ благодарность за ваши сердечныя чувства къ отцу земной поклонъ его сына“.

Миръ праху твоему и вѣчная память душѣ твоей, дорогой родитель, оставившій своимъ дѣтямъ примѣръ доброй жизни, покорности начальству, исполнительности служебнаго долга и сердечнаго отношенія къ ближнимъ!

Протоіерей *Павелъ Заболотскій*.